
Яна Алимова
Сёстры. Любаша.
Хромоножка
Книга 1
Деревенская повесть
о женской доле, любви
и пути к счастью
18+

Яна Алимова
Хромоножка

https://litres.ru/74700033
SelfPub; 2026

Аннотация

Послевоенная деревня. Четверо мальчишек остаются без матери, а их отец, не выдержав горя, всё чаще ищет утешение на дне стакана. Однажды он уходит в город, оставив детей на попечение старой бабки. Но когда та тяжело заболевает, на помощь приходит Люба Хромоножка из соседней деревни.

Добрая и отзывчивая женщина становится для мальчиков самым близким человеком, дарит им материнскую ласку, заботу и тепло домашнего очага. Казалось бы, в их доме наконец появляется надежда на спокойную жизнь. Но возвращение отца и новые обстоятельства вновь меняют всё, заставляя Любу переживать расставание с полюбившимися ей ребятами.

Сможет ли женщина, столько сил отдающая другим, обрести собственное счастье? И сумеет ли человек, однажды отвернувшийся от неё, понять, какое сокровище было совсем рядом?

Это душевная история о непростой женской доле, большой семье, человеческой доброте и любви, которой порой приходится пройти долгий путь, прежде чем обрести свой настоящий дом.

Содержание

Часть 1 6
Часть 2 14
Часть 3 20
Часть 4 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Яна Алимова
Хромоножка

Оглавление

2
4
6
9
11
13
15
17
19
22
24
27
29
31
34
36
38
41
44
46
48

Часть 1

Федор поднял голову и мутным, ничего не видящим взглядом посмотрел на своих ребят.

Мальчишки стояли в ряд и глядели на папку. Никто не ревел. Отревелись, пока мамка долго и тяжело болела, отревелись, сидя три дня около покойницы в избе, отревелись на кладбище…

Сейчас ребятишки хотели есть и с надеждой смотрели на отца. Только он беспробудно пил уже третий день, не видя ничего вокруг. Выпивал из стакана не закусывая и валился на лавку, потом вставал, ходил во двор по нужде, снова пил и снова спал. Ребята тихонько передвигались по избе, почивали на холодной печи, благо, что уже вовсю бушевал апрель, и было не холодно. Бабка Ефросинья заносила пару раз в день вареную картошку да кринку молока. А однажды даже принесла краюху хлеба, тем и были сыты Ванька, Игнат, Петька и Семка — мал мала меньше.

На третий день после похорон бабка ткнула отца в плечо, тот только проснулся и сидел за столом, уронив голову на шершавую занозистую поверхность, давно стол не скоблили. Мать почти год без сил лежала.

— Ты, енто, Федька, вставай ужо, робяты-то голодныя! — проскрипела бабка. — Я жа ня могу их кормить усе время. Нету у мене столька-то.

Федор молча вытащил из кармана деньги и подал бабке Ефросинье со словами:

— На-ка вот, тетка Фрося! Прости мене, больша нету.

Бабка деньги взяла и придирчиво на них посмотрела:

— Так многа тута шибка, Федька!

Отец уставился на бабку Ефросинью, а потом перевел взгляд на ребят:

— Ванятка, а ну подь сюды! — прикрикнул он.

Самый старший, десятилетний Ваня подошел к отцу:

— Чаво, бать? — чуть испуганно спросил он.

— В город я подамси! Тама работу мене давеча предлагали. Да мать хворала, ня мог я, а чичас могу. Уеду, када вернуся — ня знай! А вы бабку слушайте, подсобляйте ей. Она вас покормить, а остальное самя! Понял ты мене? Остаешьси за старшего.

Ванька кивнул, непрошеные слезы навернулись на глаза ребенка, остальные мальчишки тоже захлюпали носами, не смея подойти к отцу без разрешения.

Бабка Фрося поджала губы и строго проговорила:

— Чаво жа ты совсема робят сиротишь? Мамки нету у их, таперича и батька сбегат? — то ли спросила, то ли сообщила бабка.

Отец схватился за грязную рубаху на груди и прорычал:

— Ох тяжко мне, тетка Фрося! Ох у груди, вот здеся, больна шибка! Ня могу я тута быть! Уеду! — он посмотрел на Ваньку, прижал его к себе. — Прямо чичас и уеду.

Тут и все ребята ринулись к отцу, прильнули к нему, кто куда успел, и уж заревели в голос.

Бабка трижды перекрестилась, повернувшись к иконе.

— Спаси Господя сиротинушек! Делай как знашь. Харчей куплю, наготовлю, больша ничаво ня смогу, — развернувшись к Федору, проговорила она.

— И на том благодарствую, — отец осторожно отодвинул от себя ревущую ребятню, встал и поклонился бабке.

— А вы ня рявите! — прикрикнул он на сыновей. — Ня брошу я вас! Приязжать у выходные буду. Слыхали мене? А ну цыц!

Ребята послушно затихли.

Федор посмотрел с тоской на почти пустую бутыль самогона, но остатки допивать не стал. Может, бабки устыдился, а может, и сам понял, что пить уже довольно. Надо жить дальше.

Мужик вышел во двор, ребята выскочили за ним, бабка Фрося, кряхтя и тихонько приговаривая: «Ах ты жа! Как жа енто!» — тоже вышла из избы.

Федор, ни разу не оглянувшись, ушел тяжелой походкой по дороге, ведущей на большак, а по нему в город.

Мальчишки еще долго стояли у калитки, до рези в глазах всматриваясь в фигуру отца, которая стала размером с букашку.

— Ну пойдемтя, робяты, я вас накормлю, чаво есть у мене, а потома у сельпо местя пойдем.

Так и стали жить: бабка кормила малышню, а они помогали ей в огороде, корову пасли, воду таскали. Даже младшему, трехлетнему Семке, работа была: он всюду как хвостик ходил за бабкой Фросей и без умолку болтал с ней на своем шепелявом ребячьем языке.

Бабка души не чаяла в ребятенке, да и во всех остальных тоже. Про отца мальчишки вспоминали каждый день:

— Када жа батя приедет? — обязательно спрашивал у бабки кто-нибудь из мальчишек или все сразу.

Бабка вздыхала и сообщала:

— А кто жа яво знат!

В ближайшие выходные Федор не приехал, деньги у бабки заканчивались, но у нее и в мыслях не было бросить пацанят голодными.

— Ничаво, как-нябудь! — приговаривала она и крестилась. — Месте легша.

Но в середине второй недели бабка занемогла и слегла.

Мальчишки перепугались и сгрудились около нее. Она попыталась было встать с кровати, но ничего у нее не вышло.

— Ванятка, — обратилась она к старшему слабым голосом, — чавой-то изба ходуном забегала вкруг мене. Ня стану я севодни. Тама картоха у печи, поешьте, а потома бяги у Сосновку, тама спросишь Любаву-хромоножку. Усе сказывай ей без утайки, сестры моей покойницы дочка она. Волоки яе сюды, без яе нама никак. Усе понял? — спросила бабка.

Пацан кивнул, еле сдерживая слезы и предчувствуя беду.

— Ну чаво стоишь тада? Бяги ужо! — бабка перекрестила пацана.

До Сосновки Ванька почти все время бежал. Ему было очень страшно, как бы бабка не умерла, пока он бегает за хромоножкой. Имя бабкиной племянницы он тут же забыл, а вот, как она ее чудно назвала хромоножкой, запомнил.

Мамка тоже также неожиданно слегла и больше не встала. Правда, долго лежала, но мать была совсем молодая, а бабка — старая.

Прибежав в село, запыхавшийся Ванька увидел такого же мальца как сам.

— Эй, — обратился он к белобрысому пацану в коротких штанишках — Иде… — Ванька силился вспомнить имя, но не смог, и сказал то, что помнил, — иде хромоножка тута у вас живеть?

— Тама, — показал пацан рукой. Ванька увидел три избы рядком.

— Иде кочет верхи сидит. Видишь? Тама тетка Любаша живеть. А пошто она тебе? — полюбопытствовал пацан.

Но Ванька уже обрадовался и побежал к указанному дому. Точно! Бабка сестрину дочку Любавой называла.

Добежав до избы с петухом, он остановился. В огороде возилась тощая баба, она как-то странно стояла, подвязывая мохрастыми тряпками куст.

— Здоровеньки будьте! — поклонился Ваня. — Бабка

Ифросиня привет шлеть.

Любава тепло улыбнулась и пошла навстречу к мальчишке странной заваливающейся вправо походкой. Ваня тут же понял, почему ее назвали хромоножкой: одна нога у нее была короче, чем другая.

— Давай в избу, накормлю тебе! — засуетилась Любаша. — Водицы испей. Ишть как запыхамшись весь. Либошто гналси за тобой кто?

Женщина с таким теплом и заботой взглянула на мальца, что тот почему-то вспомнил мамку. Она иной раз так глядела на Ваньку, когда уже болела, и приговаривала:

— Ня бросай братавьев-то. Никада ня бросай.

Ванька тогда не понимал, о чем это мать. Как же он может бросить своих братишек? Он и сейчас еще плохо понимал, что имела в виду мать.

Тем временем Люба подала кружку студеной водицы и быстро накрыла на стол.

— Поешь с дороги.

Но Ванька, хоть и очень хотел есть, замотал головой и взмолился:

— Тетка Люба, пойдем быстрее, а? Бабке Фросе совсема плохо. Да и братовья мои одне тама.

Люба стала собираться, приговаривая:

— Чичас, чичас. Да как жа ento? А сколь твоим братовьям-то?

— Игнат младша мене!

— А тебе сколь? — спросила Любава, пристально оглядев мальчишку.

— Мене десять ужо, стало быть Игнатке восемь, Петьке четыре, а Семке три. Все большия ужо! — заключил Ваня.

— Большия! — протянула Любаша и улыбнулась. — Ну што, пошли. Только быстро ня смогу, — предупредила она.

— Да понямши ужо, — вздохнул Ваня, еще раз искоса взглянув на уродливую ногу Любаши.

Но шла Люба на удивление достаточно быстро, Ванька думал, что будет медленнее.

Пока шли до деревни, Ваня все рассказал про себя, про братьев, про то, как мамка болела, и как умерла недавно. Как они втроем сильно плакали, а Семка ничего не понял, хотя не дурак, ты не думай, просто маленький еще. Также он поведал Любаше и про батю, и про то, как он пил сильно, и как бабка Фрося кормила их и кормит сейчас, а они ей помогают с огородом и с коровой.

— А папка бросил нас! — грустно сообщил мальчик, закончив рассказ.

— Чаво ты! — попыталась успокоить его Любаша, она время от времени утирала слезы, слушая рассказ Ванятки. — Папка ваш вернетси! Вот те крест! — добавила она так твердо, будто знала их отца с рождения. — Яму просто тяжко!

Люба погладила мальчишку по светлым волосам, и он, привычный к ласке матери, прильнул к ней. Люба останови-

лась, прижала мальчика к себе. Ванька поднял на нее глаза и спросил:

— А ты ня брешешь?

Любаша покачала головой и еще раз сказала:

— Вот те крест!

Часть 2

Мальчишки сидели в ряд на лавке испуганные и почему-то чумазые. Бабка Фрося тихо лежала на кровати. Ванька подскочил к ней с криком:

— Бабка Фросинья, я Любаву твою привел. Бабка Фрося, открой глазья-то!

— Чаво разоралси? — беззлобно спросила бабка, открыв глаза. — Ишть оголтелый!

— Я думал, преставилась ты! — Ванька заплакал.

— Ишть чаво удумал! Преставилась! — бабка Фрося свернула фигу.

Ванька рассмеялся и утер слезы. Притихшие было братья тоже заулыбались, они внимательно рассматривали Любашу.

— Здоровеньки будьте, тетя! — поклонилась Любаша. — Чаво с вами?

Люба наклонилась и обняла тетушку, та ей что-то шепнула на ухо.

— Идитя к сябе, — сказала Любаша Ваньке. — Я потома к вам приду.

Ваня понял, что бабка хочет в туалет, шутка ли: весь день лежала.

— Айда у хату! — позвал он братьев.

Те, озираясь на Любашу, гурьбой двинулись в сени. Люба успела каждого из них погладить по голове.

— Идитя! — еще раз сказала она. — Я чичас тута управлюся с теткой Фросей и к вама приду! — пообещала она.

Ванька коротко кивнул и сказал:

— Ежеля чаво надо, скажи, я усе сделаю.

Люба тепло улыбнулась и потрепала Ваньку за волосы.

Ваня снова вспомнил мать, она всегда находила время приласкать их и батю, хотя работы в избе и на огороде было очень много. Гораздо позднее, став взрослым и вспоминая детство, Иван поймет: мать знала, что скоро умрет.

Ребята зашли в свою хату и стали обсуждать тетку Любашу.

— А чаво она прыгат усе время? — спросил Игнат.

— Нога у ей больная, — объяснил Ванька.

— А она к нама придеть? — заглядывая старшему брату в глаза, спросил Семка.

— Придеть! — твердо ответил Ваня. — Раз обещалася, значат, придеть.

Братья чувствовали одно и то же: им пришлась по душе тетка Любаша в первые же минуты, как они ее увидели. Хотя была она неказиста, мать-то у них была высокая да красивая. Но ведь не в росте и красоте дело. Любава принесла с собой в избу тепло и тихую радость, и всем сразу стало ясно, что теперь все снова будет хорошо. Хотя и с бабкой Ефросиньей было не плохо, но с Любавой станет еще лучше.

Тем временем в избе бабки Ефросиньи Любаша помогла подняться своей приболевшей тетушке, посадила ее на вед-

ро, умыла, выложила из своего узла нехитрую снедь: немного хлеба, сала, соленые огурцы, — накормила бабку.

— Ты, енто, — жуя беззубым ртом хлеб, начала разговор бабка Фрося, — робятам настряпай чавой-то. Голодныя оне! С утра ня емши.

Любаша улыбнулась:

— А как жа! Чичас тебе усе налажу и пойду к им.

— Ты, енто, — снова привлекла внимание Любани старушка, — с имя поласковей, батька ихней у город подалси, но вернетси, робят ня бросить. Справный мужик. Дак ни одна баба сюравно за ево не пойдеть. Ишть четверо робят!

Бабка покачала головой и продолжила рассуждать вслух:

— У Стешки, у самой троя! Куды ж ишшо? У Дуньки тожа четверо! Восема ртов! — бабка отодвинула миску. — Подсоби мене и иди до их.

Бабка перекрестилась, Любаша тоже. Она помогла бабке улечься, и пошла к ребятам.

В голове у женщины крутились разные мысли. Жена у Федора умерла, сыновей четверо, в доме нужна хозяйка и мать детям. Мальчишки ей понравились, она любила детей. Любаша видела, что и они не остались к ней равнодушны. Подходя к избе, она смахнула слезу: неужто пришло ее женское счастье? Хотя она хорошо понимала, что бабка Фрося ее просто утешала, обманывая и обманываясь. Времена стояли такие лютые, что мужиков бабы жаловали любых: с детьми, без ног, без рук. Война забрала всех, а кого вернула, тех быст-

ро бабы привечали. Так что и Дунька, и Стешка с удовольствием примут многодетного Федора и с удовольствием родят еще от него.

Любава была самой последней, восьмой дочерью в семье деревенского кузнеца Прохора. Роды у матери были тяжелые, повитуха не справилась: ножку малышке повредила, а матери жизнь так и вообще не смогла сохранить. Прохор едва взглянул на дочку, а повитуха сказала виновато:

— Ня выкормить тебе яе! Забяру?

— А мене чаво с ей делать? — махнул рукой кузнец, чуть не плача. — Бяри, ежеля нада. Смотреть яе некому серавно.

Повитуха, замотав в свой платок орущую девчонку, вышла из избы и пошла в Сосновку, там вчера она принимала роды у Нюры, да умер ребеночек. Вот и принесла ей повитуха отраду. Нюрка вся горела, молока много, а сосать некому. Приложили к груди малышку, она мигом замолчала, жадно схватив розовый сосок. Нюра громко вскрикнула от боли, посмотрела на причмокивающего ребенка и спросила у повитухи:

— Парень али девка?

— Помощницу тебе принясла.

— Любушка моя! — ласково прошептала Нюра.

Нюра и была сестрой Ефросиньи. Вырастили они с мужем Силантием девчонку как свою, родную, родив потом еще всего одного пацана. Но Любаша всегда знала, что ее родная мамка умерла, родив ее, а отец, растерявшись от го-

ря, отдал народившуюся Любу повитухе. Кузнеца Прохора она видела лишь однажды на ярмарке, он косо взглянул на нее и отвернулся. Любаша задрожала всем телом, поняв, что это ее отец, и спряталась за Силантия.

Своих родных братьев и сестер Любаша тоже, наверное, видела, только она не знала, что они ее родные.

Мачеху она звала мамой, а ее мужа Силантия — тятя.

Нюра умерла рано, совсем молодой, надорвалась, подняв больного теленка, пролежала дня три на печи и тихонько отошла.

Брат подался в город, а отец женился снова на вдовой бабе и ушел в ее хату. Так Любаша осталась совсем одна. Иногда ходила в гости к отцу и к тетке, Фрося и сама к ней приходила.

Федора, соседа тетки, Люба помнила, жену его, покойницу Марью, тоже.

«Ладный мужик, повязло бабе!» — позавидовала она тогда его жене, а вон как все вышло. Теперь этот мужик — вдовец. А дети — сироты.

«При живой матери, без отца — дети наполовину сироты, — говаривала ее мать Нюра. — А вот ежеля без матери при живом отце, то полные сироты».

Ни один парень не смотрел в сторону Любаши, хотя девка была ничего: глаза синие, волосы длинные, густые, кудрявые, лицо белое. Да кому она нужна, хромоножка, когда здоровых да сильных девчат — пруд пруди, не запрудишь!

— Ежеля был ба такой жа как ты без ноги али без руки, — беззлобно говорила Нюра и качала головой.

Но таких до войны не было.

— Цыц, — покрикивал на нее Силантий. — А ты, Любаня, ня слушай яе, можат, какой вдовец будеть!

Любава очень любила отца, души в нем не чаяла, и он платил ей тем же.

«Вот, тятя, можат, и сбылись ваши слова!» — мысленно обращалась к Силантию Люба.

Зайдя в избу к мальчишкам, она перекрестилась, взглянув на Красный угол.

— Ну, чаво носы повесили? — обратилась она к ребятне. — А ну давайте-ка! Делов много.

Любаша принялась скоблить, чистить да стряпать.

К вечеру обе избы, бабкина и Федора, сияли чистотой, мальчишки тоже были вымыты и переодеты, все белье перестирано, еды наготовлено.

Ночевать Люба ушла к бабке, перекрестив всех ребят.

Засыпая, Ванька просил у Господа:

«Боженька, сделай так, штоба батька приехал и полюбил тетку Любаву, да женился на ей!»

Часть 3

Так мирно потекла жизнь. Мальчишки льнули к Любаше, а она находила для каждого из них доброе слово.

Правда, с едой было плоховато. В основном пили молоко да ели картошку из погреба бабки Фроси. Еще у нее было сало и рыба вяленая. На сале Любаша варила вкусную похлебку.

Как-то с вечера она сказала Ване:

— Завтре уйду я… — не успела женщина договорить, как увидела жуткий испуг, промелькнувший в глазах у мальчонки.

Быстро добавила:

— К вечере вернуси. У Сосновку схожу, нада мене.

— Возьми мене с собой, — стал просить Ваня.

Ему стало страшно, что Любаша устала с ними и не вернется. Бабка почти выздоровела, она уже передвигалась по избе и выходила на двор.

— Нет! — отказала Люба, — тута будь, я приду скоро.

— Ня брешешь? — спросил Ваня замирая.

Люба покачала головой.

— Ня бряшу, вот те крест.

Он с тревогой в маленьком сердечке проводил Любу до околицы, хотел спросить, почему она уходит с туго набитым узлом, если обещала вернуться, но не стал. Разве остано-

вишь человека вопросами? Еще мать говорила: «Слова лишние тама, иде ужо усе ряшено. Никаво никада ня уговаривай».

Весь день глаза у Ваньки были на мокром месте. Братья все время спрашивали про Любу, особенно самый младший Семка.

— Ня знай, — коротко отвечал он на все вопросы, потому что, когда он сам спросил у бабки Фроси, она так же коротко ответила ему:

— Ня знай.

Любаша пришла очень поздно, малышня уже спала, а Ванька ждал, он надеялся, что Люба придет. Когда он увидел ее издалека, нагруженную двумя узлами, тяжело припадающую на больную ногу, то кинулся к ней со словами:

— Сказывал жа, с собой возьми. Куды жа таки носяшь узлы чижолые!

Люба устало улыбнулась и обняла Ваньку, он уткнулся ей в грудь и тихо заплакал.

— Ня бросишь нас? — спросил сквозь слезы.

— Ня брошу, — ответила Люба и поцеловала мальчика в светлые волосенки.

— Божися! — потребовал Ваня.

— Вот те крест! — Люба размашисто перекрестилась.

Взяв узлы у Любаши, Ваня подался немного вперед. Это потому, что не хотел, чтобы она видела его слезы. Мальчишка стремился казаться старше, быть настоящим сильным му-

жиком, во всем помогать Любаве, чтобы ей было не так трудно, и она не ушла от них. Бабку Фросю он тоже любил, но бабка всегда рядом, никуда не денется, даже если очень захочет, а Любава может уйти.

На днях она спросила как бы между прочим:

— А батька-то ваш ня злой?

— Ух, какой злой бывat! — тут же ответил Игнат. — Как даст затрешшину, так и лятишь на двор.

Ванька строго посмотрел на брата, и тот мигом прикусил язык.

— Но мамку он никада ня бил, — тут же добавил Ваня.

— Так мамка ваша хворая была, — вздохнула Люба. — Потому и ня бил. Жалел, видать.

— Так и ты хворая! — выпалил Ванька и тут же сообразил, что не то болтанул. — А ну геть отседа!

Заорал он на малышню с досады, чтобы как-то сгладить неловкость:

— В огороде ня убрано. Уши развесяли.

Люба лишь улыбнулась, но вида не показала, что поняла, будто Ваня не то сказал. Младшие слушались Ваню почти так же как отца. Они испуганно мигом высыпались на улицу.

Когда зашли в дом, и мальчонка хотел бросить узлы на пол, Любаня торопливо подхватила их у него и поставила на лавку:

— Чаво ты! Мука тама.

Ванька уважительно посмотрел на Любашу и виновато

проговорил:

— А я думал, што убегла ты от нас.

— Я муки на сало да рыбу сменяла у сябя у Сосновке! У наших нету ужо сала ни у каво, а рыбы и отродясь ня бывало. Ня ходють наши на реку. Испужались давно, и не ходють, — почти шепотом сказала Люба.

Ванька вытаращил глаза:

— А чаво испужались? Расскажи мене.

— Как-нябудь, — обещала Люба. — Полезай к братовьям, спать нада ужо.

Ванька решил не спорить, кивнул и залез на печь.

Рано утром Любаша испекла каравай в бабкиной печи. Ребята, давно не евшие хлеба, радостно умяли по два куска с молоком. Они облепили Любу и, ласково ее обнимая, благодарили. Она млела от счастья, прижимая ребятишек к себе и поглаживая их по худеньким спинкам.

Так пролетело много времени, никто не считал сколько. Как-то Любаша развешивала постиранное ребячье да Фросино белье и вдруг услышала мужской окрик:

— Чаво это? Кто енто у нас?

Любаня испуганно выглянула из-под развешенной на веревке Ванькиной рубашонки — во дворе стоял Федор, к нему жалась красивая баба в длинной темно-синей добротной юбке и в цветастой кофте, ладно облегающей ее большую грудь.

— Здравия вам, — поклонилась Люба, — это я, Любой

мене кличуть, тетки Фросиньи племянница. Занемогла она шибко, вот я и хозяйничаю тута: у вас да у нее.

— А-а-а, — мрачно протянул Федор, — ня нужны таперича хозяйки, свою привел. Так что ты… енто… как тебе говоришь кличуть-то? Запамятовал!

— Любою, — сквозь непрошеные слезы еле слышно повторила Любаша.

Федор не услышал, махнул рукой:

— Иди к Фросинье, я позжа зайду к ей. И слышь-ко!

Любава с готовностью и надеждой глянула на него. Хотя какие уж надежды!

Мужик поклонился:

— Благодарствую! Где ребятня-то моя?

— Так на речке карасей ловят. Карась пошел: варим, парим, вялим. Ох и вкуснай! Да я вам чичас…

Молчавшая все это время баба вдруг встрепенулась:

— Федюня, а пущай останется! Ну что нам, тарелку супа, что ли, жалко? Ты глянь на ее!

Ту только Федор заметил неестественное положение, в котором стояла Люба. Она словно бы завалилась на один бок.

— Бабка Фросинья ужо здорова. Я уйду нынче у Сосновку, свой муж да дети поджидат. Некада мене тута с вами.

Люба развернулась и пошла своей скачущей походкой к дому Фроси, горячие слезы обиды обожгли щеки.

Федькина баба внимательно посмотрела вслед Любаве да так и прыснула в кулачок.

— Тебя иде так покалечили-то? — крикнула она.

Люба остановилась и хотела ответить, но передумала, потому что была доброй и покладистой. Не было у нее той язвительности, что гадко брызнула из Федькиной бабы.

— Айда на речку с моими робятами знакомиться, — позвал Федор.

— Ой, Федюня, сам иди. Устамши я, тута посижу.

— Ну смотри, — проговорил Федор с ноткой недовольства и направился на реку.

Между тем Люба, войдя в сени бабки Фроси, уже не сдерживала плач, который превратился в глухие рыдания.

— Свят, свят! Чегой-то? — перекрестилась бабка, — либошто кто помер?

Люба мотнула головой и еле вымолвила:

— Федор домой прибыл.

— И чегой реветь? Али он без головы явилси?

— С бабой он. Красивая, грудастая, кофта цветна на ей, у мене отродясь такой ня бывало, — продолжала реветь Люба.

— А-а-а-а, вон чаво! С бабой. Красивая, говоришь. Ну, енто, мы ишшо поглядим. Красивые-то оне сама знашь. Пошто им робята чужия? Има и своих ня нада!

— Ой, тетка Фросинья! Люблю я их. Как жа таперича жить-та?! Уходить жа нада!

— Как жила, так и будяшь. Чаво реветь-та?

— Выгнал он ишть мене. Иди, говорит, я хозяйку привел.

— А ну-ка, пойду гляну на ту хозяйку. Чаво за бабу при-

вез. Городская либошто?

Люба скорбно покачала головой:

— Ня знай.

Бабка Фрося вышла из хаты и пошла во двор к соседу. Там, вольготно рассевшись на скамейке, подставляла свое лицо солнцу незнакомая баба.

Окинув взглядом пришлую, Фрося поняла, что деревенская, но пытается это скрывать. А Фросю не проведешь на мякине.

— Здоровеньки быть вам! — приветствовала Фрося.

Женщина медленно повернула к бабке свое лицо и, не встав со скамейки, ответила:

— Слава Богу, живы! И вам того же!

Бабка хмыкнула и подумала, что вроде девка справная, здороваться умеет, но почему не встала? Может хворая?

— А я тетка Фросинья. С робятами Фединими сидела вот, да Любава нам подсобляла.

— Да видали уж, — хмыкнула женщина. — Она чего ж у вас хромая-то?

— А тебе пошто енто надо?

Пришлая как-то сразу показалась Ефросинье и некрасивой, и злой, и не такой ладной.

— Ты Федору кто будяшь?

— Жена, — выпалила пришлая. — Уж месяц как живем. Уговорил он мене в деревню. Да я страсть , как опять не хочу в говне-то возиться.

Часть 4

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.